

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

УДК 330.3

Н. Л. Дружинин, О. Н. Мисько

МОДЕРНИЗАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ФРАНЦИИ И ЯПОНИИ

В последнее время в России все активнее обсуждается проблема модернизации. Традиционно с модернизацией страны связывают не просто обновление, происходящее ежедневно, а некоторое коренное изменение в направлении и темпах экономического развития. Так, в независимом экспертном докладе, подготовленном главами профильных подкомитетов Государственной думы РФ совместно с руководителями Института национальной стратегии «Модернизация России как построение нового государства», под модернизацией понимается «система мер и мероприятий по преодолению экономического и технологического отставания России от некоторых развитых стран Запада; в связи с этим критерии и параметры модернизации, равно как и шкала оценки ее успешности, могут формироваться только по отношению к странам (группам стран), принятым за образец (модернизационный паттерн)» [1]. Следует обратить внимание, что необходимо наличие некоего образца для подражания (и публичное признание этого). Ведь модернизационный процесс, как правило, имеет место в тех странах и социально-экономических системах, которые осознают свое отставание в конкретный период времени от наиболее развитых стран и путем проведения глубоких институциональных преобразований пытаются преодолеть или, по крайней мере, существенно сократить данное отставание. По мнению А. Аринина, модернизация — это переход страны от того состояния, которое есть в настоящее время, к тому, каким оно должно быть для ее успешного и благополучного развития в современном мире [2]. И. Дискин считает, что «модернизация — политически ангажированный проект развития, использующий эффективные институциональные преобразования для

Николай Львович ДРУЖИНИН — д-р экон. наук, доцент кафедры истории экономики и экономической мысли СПбГУ. Область научных интересов — экономическая история Японии, новая институциональная экономическая теория. Автор более 40 научных и учебно-методических публикаций.

Олег Николаевич МИСЬКО — д-р экон. наук, профессор кафедры истории экономики и экономической мысли СПбГУ. Сфера научных интересов — мировая экономическая история, история финансов, мировые фондовые рынки. Автор более 40 научных публикаций.

© Н. Л. Дружинин, О. Н. Мисько, 2011

решения актуальных проблем этого развития в наличных специфических социально-исторических условиях» [3, с. 35]. Как нам представляется, для правильного понимания сущности разворачивающегося процесса активизации усилий по модернизации России важно ответить на вопрос, является ли модернизация в современных условиях желанием продолжать процессы коренного обновления страны, происходящие последние двадцать лет под девизом рыночных реформ, либо же она связана с выражением стремления к смене данного вектора экономического развития и проведения модернизации в новом ключе.

Этот вопрос является чрезвычайно важным в свете того, что успешная модернизация не может быть лишь кампанией, неким набором формальных мероприятий, а выступает результатом сущностных сдвигов в обществе. Как показывает накопленный за несколько последних столетий мировой опыт, проведение политики модернизации неэффективно без осуществления серьезных институциональных изменений, наличия убедительной идеологической поддержки, создания обширной социальной базы реформ и генерирования сильных мотивов к обновлению для большинства экономических агентов.

Провозглашение в России политики модернизации национальной экономики практически совпало с двадцатилетием начала процесса замены командно-административной системы управления народным хозяйством рыночными отношениями. Был пройден достаточно большой путь и достигнуты определенные результаты, оценка которых, правда, не является однозначной и варьируется в диапазоне от «хороших» до «неудовлетворительных». Почему же решение о модернизации российской экономики как государственная программа преобразований было принято только сейчас, а не десятью годами ранее, когда уже было замечено отставание в развитии отечественной экономики по сравнению с наиболее развитыми странами? Например, А. П. Паршев в монографии «Почему Россия не Америка» практически верно определил все болевые точки состояния нашей хозяйственной структуры — как доставшиеся нам в наследство от разрушенного рынком планового хозяйства, так и вновь образованные в ходе проведения рыночных преобразований в стране (см. [4]).

Если модернизация национальной экономики представляет собой некоторую паутину по преодолению нашего отставания от Запада, то почему она не началась тогда, когда фактически оно было выявлено, и на протяжении десятка лет общее отставание от развитых стран по ряду показателей только увеличилось? Наряду с этим вопросом возникают и другие: а отражает ли та модель модернизации российской экономики, курс на реализацию которой принят в нашей стране, те явления и процессы, которые позволят нашей экономике догнать Запад? Не произойдет ли так, что на нее будут потрачены неоправданно большие ресурсы в сравнении с тем результатом, который может быть достигнут, что в конечном итоге приведет к еще большему отставанию национальной экономики от передовых стран мирового сообщества? Для ответа на эти важнейшие вопросы необходимо обратиться к мировому опыту проведения политики модернизации, проанализировать достигнутые при ее реализации результаты и на основании проведенного исторического анализа выявить основные направления ее проведения в современной России. При этом следует не замыкаться в рамках анализа исключительно технологических или административных преобразований, а исследовать общий контекст институциональных изменений — соответствующих политических, социальных, культурных, исторических условий — во всем его многообразии. В дан-

ной статье проанализированы два совершенно различных исторических пути проведения модернизации, имевших разную степень подготовки, глубину институциональной трансформации и, как следствие, несхожие итоги. Речь идет о Франции Нового времени и о Японии конца XIX–XX в. В реальной исторической практике термин «модернизация» долгое время не использовался, хотя модернизационный процесс объективно уже шел в виде перехода от традиции к современности.

Нельзя не согласиться с тем, что «большинство модернизаций в мировой истории были модернизациями догоняющими» [5, с. 63]. Исторически первым опытом проведения такой «догоняющей» политики модернизации национальной экономики была проводимая во Франции XVII в. политика Ж.Б.Кольбера, которая в мировой историографии получила название «кольбертизм». Именно в это время у некоторых представителей «новой» французской бюрократии, к которой принадлежал и Кольбер, происходит осознание факта отставания экономического развития Франции от передовых на тот момент времени Англии и Голландии. При изучении переписки Кольбера с королем Франции Людовиком XIV обнаруживается, что именно *отставание страны в организации национальной промышленности и торговли от Англии, в особенности от Голландии*, Кольбер считал основной причиной неудовлетворительного экономического положения Франции¹. В целом политику Кольбера можно считать попыткой придать *качественное ускорение развитию французской позднефеодальной социально-экономической системы и ее гаранта — абсолютной монархии*, что, безусловно, явилось одной из важнейших составляющих модернизационного процесса. Следует отметить, что многие историки и экономисты рассматривают кольбертизм как всего лишь один из национальных вариантов политики позднего меркантилизма. При этом одни исследователи (Ж. Мевре) считают, что в этой политике не было ничего оригинального и французский меркантилизм ни в коей мере нельзя отделить от общеевропейского. Другие же (П. Леон) подчеркивают безусловную оригинальность кольбертизма в сравнении с другими формами меркантилизма (прежде всего английского и голландского). Безусловно, это так, однако от исследователей зачастую ускользает тот факт, что целями проводимой Кольбером политики было не просто материальное обогащение государства, а, прежде всего, преодоление экономического отставания от Англии и Голландии, доведение национальной экономики страны до соответствующего институционального уровня экономического развития этих стран. Более того, в проводимых Кольбером социально-экономических преобразованиях явно прослеживается другая важнейшая особенность: она подчинена одной глобальной цели — модернизации монархии; именно в ее обновлении Кольбер видел возможность улучшения экономического положения страны и сокращения разрыва между Францией, с одной стороны, и Англией и Голландией — с другой.

Вторая половина XVII в., на которую приходится деятельность Кольбера, характеризуется одним существенным обстоятельством: Франция стала страной *классического абсолютизма*. Современная историография определяет классическую абсолютную монархию как институт, поддерживающий состояние *институционального равновесия* между классом дворян и буржуазии в условиях невозможности одного из этих классов захватить полную политическую власть² (причем для класса дворян

¹ Переписка Кольбера с Людовиком XIV (Colbert. Letters. VI. P. 260–270; VII. P. 230) приводится в работе [6, р. 343–347]).

² Подробнее см. [7, с. 217–243].

это уже стало, а для молодой буржуазии было еще невозможно). В этих условиях наличие сильной королевской власти рассматривалось обоими классами как определенная гарантия того, что один из них не усилится настолько, чтобы привести к ущемлению интересов другого. Более того, сам институт абсолютной монархии в этом случае был весьма устойчивым и аккумулировал в себе *элементы прогресса*, необходимые как для его выживания, так и для последующего развития.

Таким образом, для Кольбера «модернизация *абсолютной монархии*» и «модернизация *национальной экономики*» стали тождественными понятиями. Иными словами, экономическое развитие страны в понимании Кольбера не могло происходить в отрыве от развития института абсолютной монархии, а, следовательно, *экономические изменения были бы недостаточно эффективными без изменений институциональных*.

Еще до своего назначения на высший экономический государственный пост Кольбер сформулировал программу, которую он намеревался осуществлять, придя к власти³. То есть его идеи о кардинальных изменениях в существующей экономической системе были сформулированы задолго до того, как Кольбер получил реальную власть. Исходным пунктом реформ должна была стать нормализация финансов и кредита, конечным — изменение социально-экономической системы. Уже в начальном действии — финансовом реформировании — прослеживается желание опереться на опыт и практику самой передовой на тот момент времени в финансовом отношении страны — Голландии. Налицо желание не «изобретать велосипед», а просто переносить на национальную почву достижения ведущей экономики. Так, еще будучи управителем кардинала Мазарини, Кольбер внимательно наблюдал за ставками кредита в Голландии и отказывался признавать их нормальными во Франции, если они были намного выше голландских, понимая всю значимость кредитной политики для нарождавшегося промышленного производства.

Основой обновления национальной экономики стало развитие мануфактурного производства, в котором Кольбер видел возможность для максимального усвоения и последующего развития достижений передовой зарубежной промышленности, прежде всего английской. Однако функцию мануфактуры он видел не в крупном, а в *новом* производстве, и в этом был, безусловно, прав. Кольбер в то же время сохранил цех как институт *традиционного, массового* промышленного производства и объективно создал предпосылки для борьбы этих двух противоположностей: потери при этом были совершенно неизбежны. С одной стороны, мануфактура постоянно находилась в условиях дефицита рабочей силы и вынуждена была отвлекать большие средства на подготовку квалифицированной рабочей силы (известны случаи, когда мануфактуристы были вынуждены организовывать предприятия с усиленным дисциплинарным режимом: работники не выходили в город, жили на предприятии, питались и слушали мессу там же, получая на руки лишь очень немного денег — впоследствии этот институт оформился в хорошо известную практику пожизненного найма, нашедшую широкое применение в Японии). С другой стороны, мануфактура постоянно конфликтовала с цехами как предприятие привилегированное и свободное от цехового досмотра. Таким образом, не решившись на коренное институциональное изменение французской промышленности, Кольбер не смог добиться и главной поставленной задачи — преодолеть технологическое отставание от передовых стран.

³ См., напр. [6; 8].

Торговая политика Кольбера, будучи по своей сути протекционистской, не смогла сама по себе в полной мере обеспечить развитие французской промышленности, ушедшей в зону конкуренции между мануфактурой и цехом. Наиболее важное и значимое изменение, задуманное Кольбером, между тем не нашло понимания у властей. Речь идет о кардинальной перестройке социальной структуры общества, в рамках которой задуманная модернизация всей экономики Франции и должна была произойти. Взгляды Кольбера на характер и роль производительного труда в полной мере отвечали задуманной им реорганизации общественного устройства Франции. Именно наличие большого числа занятых непроизводительным трудом, по мнению Кольбера, серьезно затрудняло достижение государством поставленных перед ним задач преодолеть экономическое отставание от Англии и Голландии. По мнению Кольбера, для этого было необходимо проведение следующих мероприятий, изменяющих национальную институциональную среду: ликвидировать институт продажи государственных должностей, провести широкомасштабную реформу юстиции, судейского аппарата и финансов с целью существенного сокращения числа занимающих эти должности⁴, радикально сократить число монахов в монастырях. Высвобождение большого числа занятых непроизводительным трудом могло обеспечить большую занятость на мануфактуре и стать переломным моментом в ее конкуренции с цехом, обеспечив высокие темпы развития промышленности и явившись столь необходимым ресурсом для модернизации.

Меры, предложенные Кольбером, во многом носили революционный для того времени характер, но показались королю настолько кардинальными, что он не решился на серьезные преобразования общественного устройства Франции. Приняв же предложения Кольбера и обеспечив институциональную перестройку общества, политика национальной модернизации могла оказаться гораздо более успешной. Таким образом, попытка Кольбера провести обновление национальной экономики оказалась безуспешной, натолкнувшись на «старый порядок»; вне радикальных институциональных изменений успешная политика модернизации была невозможной.

В Европе XXI в. идеи Кольбера находят определенный отклик и понимание. Так, в Италии и Франции происходит теоретическая разработка нового направления экономической политики государства, направленной на модернизацию национальной экономики, получившая название «неокольбертизм»⁵. Представители неокольбертизма стоят на позициях экономического национализма; они полагают, что государства и национальные экономики в процессе управления процессами модернизации должны противостоять *глобализации*, так как проблемы, которые возникают в странах «старой промышленности» вследствие выноса национального производства в страны с низкой стоимостью рабочей силы, могут вызывать у первых экономическую и социальную дестабилизацию.

До середины 1980-х годов большинство руководящих работников системы госслужбы европейских стран характеризовали экономическое законодательство ЕС как антинациональную деятельность. Однако с начала 1990-х годов некогда всесильные национальные экономические институты, такие как министерства экономики и финансов, органы управления отраслями, стали переходить на более реалистичную точку

⁴ В записке королю от 22.10.1664 Кольбер оценивал число занятых в этих сферах деятельности в 100 тыс. человек (см. [8, с. 94]).

⁵ См., напр. [9].

зрения относительно ограниченности собственной способности к проведению эффективной экономической политики. Они приветствовали решения ЕС в рамках принятия Единого европейского акта (SEA)⁶ как способ избавить государство от бремени умирающих отраслей, отречься от своих финансовых обязательств перед убыточными компаниями, а также провалить политически непопулярные решения, касающиеся рабочих и профсоюзов. «Неореалистические» учёные, в том числе Анджей Моравчик, показали, что эта «капитуляция» перед решениями ЕС, которая, очевидно, ослабила государств-участников, фактически обеспечила их же потребности, поскольку привела к достижению желаемого результата без связанных с этим политических издержек. По Моравчику, национальное государство приспосабливается к внешним ограничениям, не отказываясь при этом от важнейших своих функций и ответственностей. К тому же выводу приходит Вивьен Шмидт: «Колонизация бизнеса государством... означает, что установление курса французской экономики оказывается в руках единой, внутренне переплетённой элиты. В итоге удаление государства (от этих дел) не положило конец его воздействию на бизнес; оно лишь изменилось и обрело более современный вид, *отражающий модернизацию и интернационализацию самого французского бизнеса* (курсив наш. — Н.Д., О.М.)» [10, р. 87–88]. Ниже в таблице приведено обобщение изменений при переходе от политики кольтертизма к неокольтертизму.

Изменения при переходе от традиционного кольтертизма к неокольтертистской модели государственного управления

	Традиционный кольтертизм	Неокольтертистская модель
Исторический период	До начала 1980-х годов	После SEA
Отправная точка процедур финансирования	От общественного банковского сектора	От биржи и мировых рынков
Инструменты	Государственное вмешательство	Законы рынка
Роль французского государства	Устанавливает национальное законодательство	Представляет собой одного из 15 игроков
Руководящий принцип	Служит обществу	«Более тесный союз»
Роль бизнеса	Следует тому, что установлено правительством	Инициатор экономических процессов

Источники: [11, р. 87–88].

Мировой кризис также наложил свой отпечаток на данное направление экономической мысли. Одной из важнейших задач модернизации сторонники неокольтертизма считают создание условий для противостояния глобальным кризисным явлениям путем создания *новых национальных систем*, таких как государственные инвестиционные компании, осуществляющие контроль над национальными предприятиями (пример — «Инвестиционная Компания Правительства Сингапура») [11].

Совершенно иная ситуация имела место в Японии, которая смогла осуществить процесс модернизации не единожды, неизменно добиваясь на данном пути значительных успехов. Пример Японии интересен тем, что модернизация здесь впервые проходила как грандиозный динамичный проект, объединивший всю нацию, все социальные слои общества при решающей роли государства и крупного бизнеса с целью

⁶ SEA — Single European Act — был первым серьезным пересмотром Римского договора 1957 г. Был направлен на создание Общего рынка к декабрю 1992 г.; формулирует принципы Европейского политического и экономического сотрудничества.

скорейшей реализации стратегии догоняющего развития в мировом масштабе. При этом монархический режим не только не помешал проведению необходимых преобразований, но, наоборот, активно поддержав их, реально способствовал проведению кардинальных институциональных реформ в обществе, наглядно продемонстрировав возможности практически безграничной модернизации в рамках существующего политического устройства при условии готовности к радикальным институциональным изменениям. Опыт Японии уже в XIX в. продемонстрировал значимость и возможности потенциала общественного консенсуса и национальной идеи, объединившей всех граждан страны в стремлении достичь своей цели. Бедная природными ресурсами страна уникальным образом генерировала ресурс модернизации на базе своей институциональной системы.

В Японии в последние полтора века модернизация происходила как минимум дважды: сначала в конце XIX — начале XX в. так называемая реставрация Мэйдзи и потом после Второй мировой войны. Оба раза модернизация в Японии начиналась с того, что правительство и общество в целом приходили к пониманию того, что развитие страны прежними темпами и, самое главное, в прежнем направлении невозможно. Требуется смена курса, изменение темпов экономического развития, т. е. перестройка, и не на словах, а на деле, которая затрагивала бы основополагающие институты общества, права собственности, механизмы хозяйствования, идеологию. В период Мэйдзи это было связано с тем, что требовалось усиление военной мощи Японии в преддверии экономического и территориального раздела мира. В послевоенный период, во второй половине 1940-х — начале 1950-х годов, вектор развития кардинально переменялся, нужен был, наоборот, курс на демилитаризацию Японии, предполагающий существенное снижение военных расходов, повышение социальных расходов, развитие потребительского сектора экономики.

Таким образом, модернизации Японии в обоих случаях предшествовали принципиальные сдвиги в идеологии, политике, экономике. Для того чтобы осуществить модернизацию, необходимо было создать широкую социальную базу, обеспечить поддержку всех слоев населения. Для этого модернизации предшествовала значительная демократизация японского общества, и это выступало в качестве средства, ресурса проведения обновления страны. Общество тем самым сознательно выводилось из состояния институционального равновесия (когда все участники по тем или иным причинам не считают для себя выгодным тратить ресурсы на реструктуризацию существующих соглашений, даже если они неэффективны) [12, с. 112], и таким образом становились возможными и необходимыми дальнейшие институциональные изменения вплоть до приведения всей системы в равновесное состояние на новом уровне. Именно этот путь позволял уйти от простой симуляции изменений — явления, характерного для российской действительности [13, с. 18]. В период Мэйдзи произошла смена феодального строя на капиталистический, было ликвидировано феодальное сословие, обеспечено право крестьян на землю, произошла либерализация в предпринимательской деятельности и в других сферах общественной жизни. Все это стало тем ресурсом, той движущей силой, которая была адекватна грандиозным целям, поставленным государством как основные задачи модернизации страны. То же самое происходило в середине XX в., после Второй мировой войны, когда японскому экономическому чуду вновь предшествовали существенная либерализация экономической жизни, демократизация общества, проведение антимонопольных мероприятий, инициированных американской

окупационной администрацией. Необходимо отметить, что демократизация, произошедшая в японском обществе, была лишь инициирована американской стороной, но осуществлена, реализована и, самое главное, востребована была самими японцами. Этим, собственно говоря, и объяснялся успех послевоенных экономических реформ в Японии, которые де-юре были навязаны японскому обществу, но де-факто были выгодны Японии. Именно взаимосвязанная совокупность внутренних институциональных факторов, присутствовавших в послевоенной Японии, усиленная внешним институциональным воздействием в условиях оккупации, явилась уникальным ресурсом стремительной модернизации японского общества, источником повышения социальных возможностей нации, причиной снижения транзакционных издержек и основой для быстрого экономического роста (см. [14]).

Проводившиеся в послевоенной Японии реформы были очень действенными и крайне болезненными (для привилегированных слоев) — они изменяли, прежде всего, отношения собственности. Осуществление этих институциональных изменений было затруднено тем, что необходимо было мотивировать власть на проведение преобразований, которые ущемляли интересы значительной части ее представителей, и, кроме того, необходимо было не допустить бюрократического сопротивления, оппортунистического поведения исполнителей при фактическом осуществлении реформ на местах. Продуктивное решение этих задач зависело от соотношения господствующих экономических интересов и от политической воли властных элит. В Японии эта проблема решалась на основе очень удачного использования возможностей института императорской власти. Обращение к авторитету императора позволило сломить сопротивление влиятельнейшего сословия самураев в эпоху Мэйдзи и подавить реваншизм милитаристского крыла в правительстве в 1945 г. Причем институт императорской власти вовсе не оставался незыблемым. Хотя институт и выступал в качестве нерушимой базы японского общества, он изменялся в соответствии с требуемыми обстоятельствами, и это также было составной частью подготовки к модернизации общества: «... качественный скачок достигался на основе обновления традиций, а не их отрицания» [15, с. 10]. Иными словами, модернизация страны начиналась с модернизации высшего уровня государственной власти, и это становилось мощным сигналом для всех уровней государственного управления и общества в целом. Так было и с возвращением императора Мэйдзи в столицу в 1868 г., и с историческим обращением к народу императора Хирохито в 1946 г. Причем воздействие государства происходит на уровне не только формальных норм, но и общественного сознания. И. Инкстер определяет данный процесс как *культурный инжиниринг*, «Исторический процесс, в ходе которого государство инициирует изменение традиций и культурных ценностей для того, чтобы уменьшить финансовые и политические издержки модернизации» [16, с. 22].

Таким образом, можно сделать два важных вывода. Во-первых, процесс модернизации осуществлялся тогда, когда предыдущий этап развития заводил страну в тупик и дальнейшее развитие по предыдущей траектории признавалось обществом нецелесообразным. Во-вторых, трансформация институтов государственной власти, либерализация и демократизация общества и экономической жизни, процессы демонополизации и развития предпринимательской активности, поддержки малого и среднего бизнеса, крестьянских хозяйств *предваряют процесс модернизации*, высвобождают энергию общества для решения новых исторических задач. Создание новых институтов, работа по новым правилам, по более рациональным методикам, на основе более

действенной мотивации ведут к повышению производительности труда и эффективности производства и становятся тем источником инноваций, который позволяет осуществить прорыв в направлении решения давно назревших проблем на новом технологическом и институциональном уровне. Примерно по такой схеме и происходила модернизация в Японии как в конце XIX в., так и в середине XX в.

В настоящее время в мире не существует единого подхода к процессу модернизации национальных экономик; одно из направлений, получающее сегодня все большее распространение в Объединенной Европе, связано с политикой экономического национализма, *неокольтертизмом*, другое, в значительной степени свойственное азиатским странам, ориентировано на японскую модель. России, встающей на путь модернизации, предстоит определить свой путь обновления, поскольку сложившаяся у нас ситуация уникальна и требует специфического подхода, однако в любом случае учет опыта стран, осуществлявших схожие процессы, был бы полезен для изучения.

Сравнивая данные процессы с ситуацией в нашей стране, можно отметить, что модернизация России в последние полтора века происходила как минимум трижды: первая — после отмены крепостного права в 1861 г. и была связана со становлением капитализма в России; вторая — в 20–30-е годы XX в. она неразрывна с проводившимися в стране восстановлением хозяйства и индустриализацией; наконец, третья стартовала в начале 1990-х годов и знаменовала собой переход к рыночным отношениям. В целом принципы проведения данных модернизаций весьма схожи с японскими. Всем им предшествовал либо глубокий экономический кризис, либо длительный застой общественно-экономического развития и настоятельный рост потребности в обновлении; также, как правило, осуществлялся поиск ресурсов проведения реформ за счет демократизации и либерализации общества. В пореформенной России конца XIX в. таким ресурсом должен был стать процесс освобождения крестьян от крепостной зависимости, а в СССР в 1920–1930 гг. — создание рабоче-крестьянского государства, по меньшей мере, формально расширившего экономические права трудящихся. По мере того как эти ресурсы истощались и не могли более обеспечивать высоких темпов экономического роста, им на смену приходили другие [17]. В Японии первой половины XX в. это была агрессивная внешняя политика, захваты все новых территорий и получение контрибуций от проигравших стран, а в довоенном СССР — репрессии и широкое использование внеэкономического принуждения собственных граждан. Однако все это как в Японии, так и в СССР в значительной степени компрометировало саму идею реформ и приводило к тяжелым социально-экономическим конфликтам, а затем к смене курса и контрреформам. Ведь если институциональные изменения противоречат общепринятым нормам, то их внедрение и поддержка требуют значительных затрат. В итоге может оказаться, что появление нового института в экономической сфере будет сопряжено с непредвиденным ростом транзакционных издержек, что сведет на нет эффект от его введения. Как отмечал В. Т. Рязанов, «введение института будет эффективным, если увеличение транзакционных издержек будет перекрыто ростом прибыли или снижением совокупных (производственных и транзакционных) издержек» [18, с. 522]. Можно считать, что лишь в этом случае проводимые институциональные сдвиги могут стать необходимым ресурсом модернизации, а не ее тормозом. Успех послевоенной японской модернизации в этой связи определялся не столько тем, что соответствующие новации были изобретены и применены в массовом масштабе, а в том, что «они оказались не обремененными высокими транзакционными издержками, не

слишком затратными, т. е. жизнеспособными в конкретных институциональных условиях в длительной перспективе» [19, с. 122]. Именно поэтому, говоря о нынешней российской модернизации, следует обратить внимание на то, что соответствующие идеи должны быть восприняты обществом и их осуществление сопряжено со снижением транзакционных издержек, что достаточно сложно обеспечить в реальных условиях.

Мировой кризис последних лет выявил угрожающие тенденции к замедлению темпов проведения реформ, а в некоторых сферах экономики даже произошли регрессивные изменения (увеличилась степень монополизации, снизилась производительность сельскохозяйственного производства, увеличилась бюрократизация экономики и т. д.) [20]. Институциональные же изменения, соответствующие пониманию современной экономически развитой системы и определяющие, в частности, привлекательность инвестиционного климата страны, не происходили в достаточном объеме, хотя потребность в них в последние годы ничуть не снизилась, а, наоборот, резко возросла, что, собственно, и породило необходимость провозглашения курса на модернизацию. Однако важно определить последовательность событий: не модернизация должна исправлять эти регрессивные явления, а, наоборот, их преодоление посредством последовательных институциональных реформ сможет открыть путь для осуществления полноценной модернизации.

Отвечая на вопрос о том, выступает ли модернизация России на нынешнем этапе продолжением рыночных реформ или же предполагается изменение траектории развития страны, смена вектора осуществляемой политики или, по крайней мере, увеличение темпов проводимых реформ, необходимо отметить, что, судя по всему, речь идёт о начале новой полноценной модернизации, которая, не являясь контрреформой, призвана коренным образом изменить нынешнее состояние дел в России и вывести страну на новый уровень как технологического, так и социально-экономического развития. Очевидно, что при этом необходимо, с одной стороны, критическое осмысление имеющегося состояния общества и чёткое осознание того, что движение прежними темпами и в том же направлении недостаточно эффективно, а с другой стороны, требуется чёткое определение тех ресурсов, которые могли бы стать движущей силой новой модернизации. Ясное определение того, какую природу имеет нынешняя модернизация, могло бы послужить уяснению более эффективных методов её реализации. Особенностью и сложностью нынешней модернизации, как нам представляется, является то, что делается попытка совместить оба процесса, продолжив ранее проводившиеся масштабные реформы российского общества и вместе с тем придав им новый импульс и новый вектор действия. При этом институциональные реформы еще не смогли в полной мере побороть те негативные явления, будь то бюрократизация или коррупция, которые тормозят проведение модернизации и, самое главное, не выявили до сих пор тех ресурсов, которые смогли бы стать основой обновления.

Опираясь на опыт стран, проходивших этапы модернизации, можно констатировать, что для ее эффективного осуществления необходимо соблюдение ряда условий, важнейшими из которых являются: наличие чёткого идеологического фундамента, объединяющего общество; проведение соответствующего изменения формальных и неформальных правил хозяйствования, меняющих «правила игры» для последующего институционального сдвига в нужном направлении; наконец, определение необходимых ресурсов для проведения модернизации и целенаправленное их формирование и поддержка государством, включая «культурный инжиниринг». Качественное испол-

нение этих условий поможет преодолеть существующие противоречия в идеологии реформ, оперативно справиться с трудностями, неизменно сопутствующими любому процессу модернизации, и достичь намеченных целей. И наоборот, пренебрежение этими правилами, увлечение проведением отдельных, на первый взгляд «модерновых» и «передовых» кампаний без соответствующего им комплекса институциональных преобразований, могут привести лишь к напрасному расходованию ресурсов, увеличению разрывов между уровнем экономики России и развитых стран и дезориентации национальной экономики.

Литература

1. Пономарев И., Ремизов М., Кареев Р., Бакулев К. Модернизация России как построение нового государства: независимый экспертный доклад. М., 2009. URL: <http://www.apn.ru/publications/article22100.htm> (дата обращения: 01.03.2011).
2. Аринин А. Модернизация России. М., 2010. URL: <http://www.lawinrussia.ru/glavnaya-tema/2009-11-09/modernizatsiya-rossii-uroki-istorii-i-sovremennie-zadachi.html> (дата обращения: 01.03.2011).
3. Дискин И. Кризис... и все же модернизация. М., 2009.
4. Паршев А. П. Почему Россия не Америка. М., 1999.
5. Травин Д., Марганя О. Европейская модернизация. Кн.1. М.; СПб., 2004.
6. Cole Ch. W. Colbert and a Century of French Mercantilism. New York, 1939. Vol. 1.
7. Люблинская А. Д. Франция при Ришелье. Французский абсолютизм в 1630–1642 гг. Л., 1982.
8. Малов В. Н. Ж.-Б. Кольбер. Абсолютистская бюрократия и французское общество. М., 1991.
9. *Amatori & Felsini*. Stato ed. Economia, Verso un Nuovo. Colbertismo: Rubettino Editor, 2010.
10. *Gueldry M.* France and European Integration: Toward a Transnational Polity? New York, 2001.
11. *Pananond P.* Singapore inc. Goes Shopping Abroad // *Journal Contemporary Asia*. 2008. 38(3).
12. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997.
13. Акинин А. А., Шевелев А. А. Фундаментальная трансформация экономической теории и перспективы модернизации в России // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика*. 2010. Вып. 4. С. 12–24.
14. Дружинин Н. Л. Институциональные факторы развития послевоенной экономической системы Японии. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. С. 121–132.
15. Жуков А. Е. Консерватизм и традиционализм в современной Японии // *Япония-2000: консерватизм и традиционализм*. М., 2000.
16. *Inkster I.* The Japanese Industrial Economy. Late Development and Cultural Causation. London; New York, 2001.
17. Ясин Е. Г. Модернизация экономики и система ценностей // *Модернизация экономики России: социальный контекст / под ред. Е. Г. Ясина*. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004.
18. Рязанов В. Т. Экономическое развитие России XIX–XX вв. СПб., 1998.
19. Дружинин Н. Л. Влияние институциональной среды на организацию корпоративного управления (на примере Японии) // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 5: Экономика*. 2006. Вып. 2.
20. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Россия-2050: стратегия инновационного прорыва. М.: Экономика, 2004.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2011 г.